

НАША СТРАНА

Год издания — 38-ой. Буэнос Айрес, суббота 3 мая 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 3 de mayo de 1986 No. 1866

Христос Воскресе!

Пасхальное послание

БОГОЛЮБИВОЙ АРГЕНТИНО-ПАРАГВАЙСКОЙ
И УРУГВАЙСКОЙ ПАСТВЕ

"Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует мир видимый весь и невидимый Христос бо воста, веселие вечное".

Можем ли мы, хотя бы отчасти, вместить в свое сердце, это светлое ликование?

Да, можем, если только очистим наши чувства, уразумеем тайну Воскресения Христова и сами станем его участниками.

Эту тайну Воскресения Христова в былые времена через Святую Церковь уразумел русский народ и был у него праздник Воскресения Христова общенародным и национальным праздником до постигшего его дьявольского наваждения; но враги Церкви Христовой оказались бесцельными для того, чтобы угасить в русских сердцах радость Воскресения Христова.

Мы верим непоколебимо, что русский народ в эти долгие годы власти коммунизма страдает для того, чтобы очиститься от скверны и чтобы вновь на его безграничных просторах воссияла христианская жизнь.

Будем же усердно молиться и

трудиться, чтобы Воскресший Спаситель, некогда Своєю душою сошедший во ад и выведший из него души праведных, сокрушил бы Своей божественной силой коммунистическое иго, чтобы восстановилась на просторах нашего отечества Христова Церковь и возродилась Святая Русь.

Да низойдет Спаситель и в наши души, да выведет их из уныния, скорби и печали, в которых мы обычно пребываем, да озарит светом Воскресения, дабы душа наша воскресла еще здесь, на земле, прежде смерти и воскресения нашего тела.

Сами же мы должны потрудиться подвигами для того, чтобы в свою душу вселить радость Воскресения, как наставляет нас Святая Церковь.

"Очистим чувствием и узрим неприступным светом Воскресения Христова блистающиеся и радуйтесь рекуща, ясно, да услышим победную поюще. Христос бо воста веселие вечное".

Пасха 1986 года.

ИННОКЕНТИЙ

Епископ Буэнос-Айресский
и Аргентино-Парагвайский

Дело Сергея Ходоровича

РУССКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД:
СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

6 апреля 1986 года должно было стать последним днем заключения Сергея Ходоровича, арестованного Андроповым в 1983 году за то, что он, возглавляя Русский общественный фонд, помогал семьям политзаключенных. Однако 11 марта семью Ходоровича оповестили, что ему предъявлено в лагере новое обвинение. То есть он стоит перед лицом нового срока.

Администрация Горбачева с энтузиазмом использует чудовищную статью № 188-3, введенную в советский Уголовный кодекс Андроповым в те короткие месяцы, когда этот опытный шеф КГБ управлял Советским Союзом. Эта статья позволяет давать неугодным сначала не слишком большие сроки, чтобы не волновать Запад, — а затем продлевать их произвольно, прямо в лагере, убивая эзков лишением всякой надежды на освобождение. Именно за последние полтора года резко выросла смертность в советских лагерях.

Президент французской Лиги защиты прав человека адвокат Ив Жуффа взялся защищать Сергея Ходоровича и обратился в советское посольство в Париже за визой в СССР.

Я обращаюсь ко всем людям доброй воли: помогите остановить новую расправу над Сергеем Ходоровичем. Он помог сотням страдающих семей — не оставим его без защиты.

Я призываю всех людей здравого смысла — судите советских политиков не по словам и улыбкам, а по делам.

Кавендиш, Вермонт

НАТАЛЬЯ СОЛЖЕНИЦЫНА
Президент Русского
общественного фонда

И. Е. БОРЖАНСКИЙ

Интервью Главы Императорского Дома

В марте этого года Леон Цитронэ взял интервью у Великого Князя Владимира Кирилловича в его имении в Сан Бриаке, на северо-западе Франции. Цитронэ — популярный, уже известного возраста, французский репортер телевидения. Своего рода "корифей". Его уже давно заменяют более молодые журналисты, но в особых случаях он приглашается дирекцией французского телевидения и его, всем хорошо знакомая, теперь несколько грузная, фигура появляется снова на "маленьком экране". Когда приезжают в Париж какие-либо царственные особы, или просто на Елисейских полях праздник 14 июля — по видимому без Цитронэ не обойтись.

Добавим (впрочем, вероятно наши читатели и сами догадались), что Л. Цитронэ — из России. Помимо телевидения он занимается и литературной деятельностью. Уже вышло несколько книг его воспоминаний и он постоянно сотрудничает во многих французских журналах. На этот раз в еженедельнике "Династи" ("Журнал Великих Фамилий" — как он сам себя величает) появились статьи о Российском Императорском Доме (отвержение легенды о Чайковской), короткие воспоминания

одного 90-летнего полковника (наш взгляд довольно бесцветные) и, наконец, интервью Л. Цитронэ: он был принят Великим Князем Владимиром Кирилловичем.

"Я был принят благодаря одному общему знакомому... На обеде: профессор лица, судья, еще кто-то. Было мило и без всяких церемоний. За столом — Великий Князь, Великая Княгиня, их дочь Великая Княгиня Мария. Все разговаривали между собой в одно и то же время. Никакого этикета! Было тепло и сердечно..."

"Стань завтра Великий Князь Императором, будет ли он себя вести также просто, как за этим столом? — поставил себе вопрос Цитронэ. И ответил: "я не сомневаюсь". Так начинается его статья. Цитронэ рассказал как живет великокняжеская семья, где Великая Княгиня покупает провизию, с какой любовью к ним относится местное население. "И я вдруг подумал: будь завтра восстановление в России монархии, так ведь вот он, — этот господин, что передо мною, — он станет тогда Императором!"

Л. Цитронэ привел один слышанный им (уже много спустя, в Париже, и, вероятно не из уст Царского

Князя) эпизод. Что будто бы во время германской оккупации Франции и начала военных действий на Востоке, к Великому Князю приехала делегация офицеров Германского Генерального Штаба. "Наши войска стремительно продвигаются вперед. Часть России уже освобождена. Наш Фюрер Вам предлагает царский венец!" Но такое предложение Великий Князь принять от Гитлера не мог. Как отказать? Ответ найден: "Скажите вашему Фюреру, что я его благодарю, но что Царь *Вся* Руси не может царствовать лишь над *частью* ея..."

Впрочем, пишущий эти строки слышал эту версию еще в 1937 году в Париже. С тем, однако, вариантом, что еще до войны Гитлер имел в виду столкновение с СССР, и что Гитлер предлагал Престол Великому Князю, но с тем условием, что Украина останется за Германией!..

Оставляю все эти рассказы на совести других...

Цитронэ задал Великому Князю серию вопросов, на которые его собеседник отвечал коротко и с большим достоинством. Например: "Как стали Вы Главой Императорского Дома?" Ответ: "Очень просто. По рождению и нашим династическим

законам". Вопрос: "Кем Вы признаны?" — "Мне не требуется чье-либо признание. Мое положение ясно и определено". "На каком языке Вы разговариваете в доме?" — "На многих. Но главное, в семье, — на русском".

Великий Князь опровергнул легенду о пресловутых "вкладах" Дома Романовых в Лондоне: ведь покойный Царь-Мученик в начале войны все перевел, из патристических чувств, в Россию. Да, он часто бывает в США. Да, с Великокняжеской Семьей имеют общение не только пожилые русские, но и молодые 30 и даже 25 лет... И они прекрасно знают кем является, для России, Великий Князь... "Какой Вы национальности?" — "Я — русский. Как Глава Российского Дома, я считаю, что мне негоже быть подданным какого-либо государства!"

В журнале приведены три прекрасные фотографии: Великий Князь, Великокняжеская Чета с внуком на скале у моря (Ламанш), и — отдельно — прелестный ребенок, внук Главы Императорского Дома, на качелях.

И. Е. БОРЖАНСКИЙ

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

Вокруг процесса Ивана Демьянюка

Помнится в детстве, в последний год войны, в нашем городе был большой лагерь немецких военнопленных. Немцы часто выводились под стражей на различные работы. Многие из них провели до этого долгое время в нашем городе во время оккупации. На главной улице, в витрине одного магазина были развешены, найденные у убитых немцев, увеличенные фотографии. На многих из них были сняты немецкие солдаты на фоне виселиц, с повешенными партизанами. Однажды, в одном из германцев на фотографии кто-то узнал военнопленного. Его сразу же приволокли из лагеря на главную улицу, чтобы повесить, показывая ему фотографию. Он, бледный, все время пытался что-то объяснить, но никто его не понимал. К счастью, группе женщин удалось доказать, что этот немец за все дни оккупации был только простым санитаром и не участвовал в казнях. Невинный избежал незаслуженной кары.

Как легко можно по фотографии ошибиться и спутать человека. И это вскоре после того, как была снята фотография!

Поэтому можно было весьма скептически отнестись к свидетельствам тех, которые после сорока с лишком лет узнали в украинце Иване Демьянюке — злобного палача "Ивана Грозного" из Треблінки.

Для многих выходцев из восточно-европейских стран, быть американским гражданином и жить в США становится весьма опасным!

Иван Демьянюк все время пытается доказать, что он никогда не был в Треблінке, дезертировал из Красной Армии и был в немецком плену. Но тем не менее Демьянюка — по свидетельствам бывших узников, которые в последние десятилетия его не видали, а "узнали" только по фотографиям — арестовали. В итоге, Демьянюка американский суд признал виновным, Верховный суд США подтвердил, к отправке в СССР. Обвинения основывались на материалах, полученных от КГБ.

Непонятно, как американцы забыли, что советские неоднократно сваливали свои чудовищные преступления (например, в Катыне) на других.

Однако, Демьянюка не отправили, к счастью, в СССР, а передали Израилю, законность чего тоже весьма сомнительна, ибо во время преступлений, ему приписываемых, самого государства Израиль еще не было. Но может быть, в случае Демьянюка, все-таки восторжествует справедливость, ибо он имеет прекрасного адвоката — Марка О'Коннора, который и сейчас борется за своего клиента. А пока Демьянюк сидит в израильской одиночке, в барселонской газете дал показание испанец Хоакин Гарсия Рибес, бывший узник лагеря Треблінка. Он сказал, что Демьянюк никак не может быть палачом и садистом "Иваном Грозным", поскольку подлинного Ивана заключенные убили во время лагерного восстания. Рибес делает это заявление, так как не желает, чтобы пострадал невинный человек.

Нашли критические голоса и в самом Израиле, которые не верят, что Демьянюк нацистский преступник. В израильских архивах нашлись свидетельства бывших узников гитлеровских лагерей, в которых тоже подтверждается: настоящий Иван — убит восставшими.

Адвокат О'Коннор сообщил, что единственное свидетельство причастности Демьянюка к деятельности эсэсовцев получено из Советского Союза. Адвокат указывает, что "документ" из СССР — фальшивка: фотография ретуширована, личные данные вписаны по-русски... Уж в немецком СС по-русски не писали! О'Коннор намерен посетить Польшу и поговорить с свидетелями, которые знали настоящего "Ивана Грозного".

Что свидетельства весьма сомнительны, показывает и тот факт, что многие поляки, узники Треблінки, по фотографиям Демьянюка — палача не узнали.

Советский Союз способен на разные подлости, и фальсификации, чтобы только добраться до антикоммунистов, которые считаются "изменниками родины". А Демьянюк всегда заявлял, что во время войны был в армии Власова.

Демьянюк женат. Жена по глупости неоднократно ездила в Советский Союз, чем, вероятно, и привлекла внимание властей, захотевших отомстить власовцу. А все эти годы Демьянюк спокойно жил в Кливленде (штат Огайо), не скрываясь, работая автомехаником.

Допустим — он невиновен и его в конце концов выпустят на свободу. Сколько мучений и горя претерпел этот человек!

Его выбросили с работы, лишили американского гражданства, отлучили от семьи, заключили в тюрьму.

Вспомним и хождение по мукам русского писателя антикоммуниста Соколова-Самарина: "свидетельства" против него получены из того же самого источника.

Непонятна наивность (наивность ли?) американских следователей органов, американского суда. Ведь если Демьянюк окажется невиновным, это будет большой оплеухой американской судебной системе.

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

Языковые Уродства

НЕСКОЛЬКО ПОПРАВOK

По поводу моей заметки "Вредные выдумки", в "Нашей Стране" № 1858, хочу уточнить, что окончание -ица выступает все же иногда в смысле обозначения профессии или занятия женщины. В частности, как женская форма от существительных мужского рода на -ик: ростовщица, начетчица: и, реже, на -ер: мастерица, фельдшерица. Однако, распространять это окончание на другие категории слов было бы вовсе неоправданным новшеством.

В заметку "Буйный полет фантазии", в "Нашей Стране" № 1857, вкрались две весьма досадные опечатки. Имя выдающегося французского лингвиста Антуана Мелье (Meillet), которое большевики пишут Мейе, дано как Малье. "Теленок" по-латыни vitulus, а не vitalus (хотя Н. Лебедев, с которым я полемицирую, действительно и пишет vitalus).

Аркадий Рахманов

По случаю исполняющейся 9-го мая четвертой годовщины со дня смерти редактора "Нашей Страны"

ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ДУБРОВСКОЙ

в воскресенье 18 мая с. г. после Божественной литургии, в Кафедральном Соборе Воскресения Христова, на улице Нуньес 3541, Буэнос Айрес, будет отслужена панихида

Среди книг

ПРОПУСК В БЫЛОЕ

Такое заглавие мы читаем на обложке сборника стихов Т. Фесенко, изданном в 1975 году в Буэнос Айресе. Но нет, не пропуск в былое; ибо кто может подобный пропуск дать, кто получить? Один есть туда путь, через страну сновидений, и только своенравный Морфей владеет ключом, отпирающим все двери, даже створенные, снесенные с лица земли или давно истлевшие. Не зря говорит автор:

И смешаются годы и лица,
Время стрелки отводит назад.
Мне сегодня, наверно, приснится
Тот засыпанный звездами сад.

Да еще может быть, откроет вход в то волшебное царство апостол Петр счастливым, кого впустит в блаженные селения. Однако, для Фесенко не сливается ли образ рая с картиной, встающей из минувшего:

Дом у дяди был белый, маленький,
На горе под железной крышей.
Много мальва росло у завалинки,
И те мальвы были нас выше.

Или следовало сказать: мечты о былом? Тоже неподходящее слово: мечтают о будущем. И не тоска о прошлом, нет! Эта последняя — удел первой эмиграции, знавшей иную, более благополучную Россию.

А на этой книге стоит, как мало на какой иной, печать нашей, новой, второй эмиграции: и продолжала бы стоять, даже если бы заботливо выкинуть все в ней встечающиеся биографические и хронологические детали. Лишь для нас время остановилось смаху: по одну сторону очутились родина, юность, любовь, а по другую — горький для большинства хлеб изгнания; да и тем, кому выпал сладкий, примешан к нему неоправдимо полынный пелел воспоминаний. Это о нас и для нас сказано:

Оборвалась, как взорванный мост,
Наша жизнь в то жестокое лето...
Так ушел когда-то ненаглядный,
С ним ушла и молодость моя...
Нам никогда не напишут
Те, кто тоскует по нас.

Наш разрыв с домом оказался мгновенным и полным; ворота в железном занавесе замкнулись наглухо, без щели, без просвета. Только для нас остается тайной и самая судьба дорогих нам людей.

Может, ты тянешься взглядом
К этой вот самой звезде.

Может, — ты где-нибудь рядом.
Только не знаю, где.

Эпиграфа у "Пропуска" нет; но как подошло бы для этой цели пушкинское "Заклинение":

О, если правда, что в ночи...

Вызов мертвых (которые не исключено, что и живы) и заклятие неутолимой боли, — некоторые строфы тут взлетают в сферу высшей поэзии, которую Вордсворт определял как самые лучшие слова в самом лучшем порядке. Предназначенные выразить трагедию подлинно потерянного поколения (впрочем, к каким только разным поколениям, порою совсем некстати, это выражение ни применялось!): принужденного отступать с оружием в руках, бежать в сумбурном хаосе эвакуаций по капризу немцев, и попавшего, вырвавшись из сталинского ада, в лапы тупого, враждебного западного мира, одних бросившего назад в мясорубку, в разверстую пасть преисподней, других принудившего надолго к молчанию.

Батюшков сказал когда-то:

О память сердца, ты сильнее
Рассудка памяти печальной.

Этой памятью сердца и полны строки Фесенко; мучительной, сладкой памятью, терзающей душу. Поэтому что:

Оказалось, что там, на родной земле,
На большой, на великой, недоброй земле,
Свое сердце мы в сборах забыли.

Отсюда и завистливое ее обращение к ветру:

Ты ж ведь можешь возвратиться
В незабываемый сердцем край.

Зря, пожалуй, присоединила поэсса к своим снам, более реальным и жгучим, чем живая жизнь, зарисовки американского сытого и пресного быта и чуждой нам природы:

Здесь сады ничуть не похожи
На цветник наших детских лет.

По ним глаз скользит с неохотой. Пусть о них пишут сами янки. Исключение составляют два коротких стихотворения в самом конце томика; "Стихи о Мексике" и, особенно, "Церковь Соледад в Оахаке":

В Твоей долине как-то легче дышится,
И я молю, склоняясь до земли:
О Соледад, испанская Владычица,
Нам русские печали утоли!

Савва Юрченко

ТРАУРНОЕ СОБРАНИЕ ПОСВЯЩЕННОЕ ДРУЗЬЯМ-ПИСАТЕЛЯМ
НИКОЛАЮ ФЕВРУ, МИХАИЛУ БОЙКОВУ, НИКОЛАЮ КРАСНОВУ и
ГЕЙНО ЦЕРНАСКУ

Чашка чая состоится в редакции журнала "Сентябрь" на улице Террада 2984, Буэнос Айрес, в 15 часов в субботу 10 мая (речи будут по-русски и по-испански).

ЛЕВ РУБАНОВ

Память не меркнет

К ОЧЕРЕДНОЙ ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ И. Л. СОЛОНЕВИЧА

Был солнечный жаркий день — воскресенье 1905 или 1906 года. Моя семья жила на даче в деревне Сола в 3 верстах от Гродно. Ко мне пришли "коллеги" по классу — три гимназиста казенной гимназии. Пишу "казенной", так как в Гродно была еще и частная гимназия Хныкина, куда принимали исключенных из казенной гимназии и не было процентной нормы для евреев. Между гимназистами казенной гимназии и "частниками" (как звали гимназистов частной гимназии) была неприязнь, бывали и драки.

Трое коллег (не хочется употреблять слово "товарищи") у нас на даче позавтракали и мы спустились с обрыва вниз к берегу. Там на песчанном пляже занимались французской борьбой, которая была тогда в моде и чемпионат которой шел в местном цирке. В это время показалась идущая у противоположного берега около имения Понемунь лодка, в которой ехала группа учеников частной гимназии. Они пели:

Как у нас на тхоне чуело в кохоне
Ай да цахь, ай да цахь пхавославный
госудахь.

Кто-то из нашей группы предложил (кажется, Солоневич Ваня): "Давайте искупаем частников". Все поддержали предложение и мы всей группой пошли на саченки на тот берег, где была лодка частников. Подплыли мы и давай раскачивать лодку. Несмотря на то, что те защищались и дрались веслами, мы набрали им в лодку воды и поплыли обратно. С этого берега мы наблюдали, как частники вытащили на берег лодку и опрокинули, чтобы вылить воду, а потом разделись и сушили одежду.

Истину ради надо сказать, что и Ваня, как и я вмешивались во всякие демонстрации и с воодушевлением пели песни, слова которых помню до сих пор: "вы жертвою пали в борьбе роковой"; "отречемся от старого мира", "Варшавянку", и т. п. (кстати, Интернационала тогда не пели, он появился позже). По этой же причине Лукьян Михайлович Солоневич и забрал Ваню из гимназии, чтобы он в ней не набрался царившего там тлетворного духа.

Когда Лукьян Михайлович хотел взять Ваню из гимназии, моя мама, состоявшая, как и Лукьян Михайлович, в так называемом "родительском комитете" гимназии пыталась переубедить его, ссылаясь на то, что четырехклассное образование недостаточно. Но Л. М. взял Ваню из гим-

назии и мама ошиблась — Ваня выдержал за аттестат зрелости.

И Ваня и я, начиная с 4-го класса вечно "доставали" где-то револьверы — *бульдоги* и *монтекристо*. Ваня прострелил себе палец, благо хорошо еще, что не в суставе, но близь сустава. После их переезда с Татарского переулка на Каретный, по соседству, мы перешли в бывшую их квартиру и я из оконной рамы выковырял пулю, которая прошла сквозь ванин палец. На Каретном у них был большой сад, в котором под навесом висели кольца, трапеция и турник. Ваня занимался гириями. Помню однажды он раздобыл двухпудовую гирю и мы по очереди тащили ее через весь город, но донесли благополучно. Ваня "выжимал" эту гирю, а также своего брата Бориса. Говорил: "а ну, Боря, затяни потуже пояс". А потом поддевал сзади под пояс Борису ладонь и также выжимал его — сколько он весил, не помню. Средний брат Дик (как на английский лад переделали имя Всеволод) гимнастикой не интересовался. Он умер в Крыму. Бориса Ваня звал Боб, также на английский манер, так как мы тогда увлекались английским, пользуясь самоучителем Туссена и Лангеншейдта и читали юношеские книги Купера, Стивенсона, Хаггарда, не говоря уж о Жюль Верне и Майн Рида с Августом Эмаром. Любили бродить по ближайшим лесам, где пекли картошку. Помню один случай, когда мы, чуть ли не в марте, ходили в "мелы" (меловые отроги Аварытских гор) и купались в Немане, когда в лесу еще кое-где лежал снег. С 6-го класса я из-за неприятностей в гимназии, перевелся в Сувалинскую гимназию, а Ваню отец забрал из гимназии и вся семья переехала в Вильно, а потом в Минск. Там Ваня сдал на аттестат зрелости и до университета женился на Тамаре Владимировне Шмаковой, племяннице крайне правого члена Государственной Думы. Его фамилия, как и Пуришкевича, была у левых одиозной. Он выступал на процессе Бейлиса, как противник защищавших Бейлиса, пытавшихся доказать, что убийство не было ритуальным. Тамару Владимировну я видел в последний раз в Петербурге, где их сын Юра был еще сосуном, а Ваня служил в отделе телеграфных известий газеты "Новое Время". Жил он неподалеку от Лештукова переулка, где была газета — на Жуковской улице, занимая уже, как солидный человек, квартиру, тогда, как я, холостяк, ютился по комнатам, а приходя к Ване, попадал в семейную

обстановку. Юношей Ваня увлекался футболом, которого я терпеть не мог. В Симферополе мною заинтересовалась ЧК, и я переехал в Харьков к родителям. Там прошел курс Инженерно-Экономического Института и здесь Ваня, в письме, попросил прервать переписку. Это было, когда они собирались бежать, но вместо этого "загребели" в Соловки. Но и от туда сумели бежать.

Однако, вернусь назад. Когда началась война, Лукьян Михайлович разошелся с женой (если не ошибаюсь, Юлией Антоновной). Живя в Крыму, в 20-х годах и служа там в Государственном Банке, я на летние каникулы ездил в Ялту, где двоюродный брат Лукьяна Михайловича — Филипп Луквич Солоневич, женатый на сестре моей жены, служил бухгалтером в санатории, а сестра моей жены — сестрой милосердия там же. В Ялте я встретил Лукьяна Михайловича, где у него была другая семья — старший сын, староста рыбацкой артели (лет 24-х), а Лукьян Михайлович занимался торговлей кефира, который, кажется сам и готовил, продавая его в малюсеньком помещении на Набережной. Я там у него пил этот кефир. Когда позднее Ваня пытался бежать и вместо этого попал на Соловки, Лукьян Михайлович и его старший сын от второго брака исчезли, что я узнал от дочери-подружки, когда попал опять в Ялту.

Когда Одессу, где я жил, заняли румыны, я узнал о том, что Ваня и Боря бежали из Соловков и возобновили с Ваней переписку. Из дипинского лагеря Шляйстайм, я ездил к нему в Апшлбек близ Гамбурга (около лагеря Ди-Пи Фишбек), прожил у него две недели, при мне, у жены Юры — шведки, родилось дитя. Ваня тоже приезжал ко мне в Шляйстайм. Но из Европы выехали в разное время — он в Аргентину, я в Бразилию и больше мы не виделись, хотя и переписывались. Ваниного помощника по газете В. К. Левашова, который стал потом Дубровским, знал во время войны, еще по Вене, где на Принц Эугенингассе Левашов вместе с светлейшим князем Александром Ливеном, работал в учреждении по имени *Антикоминтерн*. Я бывал там часто, Ваня письмом свел нас. Все это дела минувших дней, многое забылось — память-то у меня в 94 года уже не та. Юра Солоневич совсем отошел от Ваниного пути, живет в Роанке (США).

ЛЕВ РУБАНОВ

Политический Калейдоскоп

Если для правильного уяснения настоящей сущности всякого серьезного международного конфликта необходимо учитывать, кроме прямых его причин, также подспудные причины и общую обстановку, в рамках которой он развивается, то для его полной перспективной оценки необходимо тоже установить и наиболее вероятные альтернативы для его преодоления. В конфликте между США и Ливией, можно предположительно установить две крайние альтернативы: или что все останется без изменений по-старому, вместе с Гадафи и с его террористической международной политикой, или что все полностью изменится, в согласии с желаниями США, как это раньше произошло на Гренаде. Обе эти крайние альтернативы маловероятны: ни полное сохранение прежнего статус-кво, ни гренадский вариант не имеют больших шансов на осуществление. Значит, остается считать более вероятными какие-то промежуточные решения.

Эти промежуточные альтернативы, в свою очередь, можно свести к трем группам, которые для удобства можно назвать по аналогии: египетским решением, ливанским решением и, наконец, ангольским решением. Египетское решение было бы самым выгодным для США, ввиду трудности решения типа гренадского. Действительно, в Египте, после смерти Нассера, при Садате, а затем и при Мубараке, была сохранена "революционная преемственность", несмотря на коренные мутации в области международной политики Египта (отказ от тесного сотрудничества с СССР, сближение с США и мир с Израилем). Но такой синтез между преемственностью и коренными мутациями был возможен лишь в результате сильного нарушения прежнего статус-кво, в результате Йом-кипурской войны, при одновременном сохранении "лица" за Египтом. Только лишь после некоторых военных успехов в этой войне, Египет был в состоянии через несколько лет психологически согласиться пойти на переговоры с Израилем. Вряд ли такой вариант будет возможен в ливийском конфликте, хотя бы потому, что в данном случае военные успехи Ливии маловероятны.

Ливанское решение, хотя и не исключено, все же тоже маловероятно: Ливия — не Ливан, как и не Египет. В Ливии нет таких внутренних религиозных и культурных конфликтов, как в Ливане, на почве которых была бы возможна такая полная "балканизация". Зато третий вариант, ангольский, весьма возможен, хотя его осуществление тоже не легкое. Но, можно предположить, что в пользу этого варианта говорит заинтересованность одной из наиболее заинтересованных в этом конфликте сторон. Действительно, СССР, в конечном итоге, заинтересован меньше в сохранении самого Гадафи, чем в установлении какой-то собственной системы в этой стратегической зоне, хотя бы разжиженным виде, как в Анголе или хотя бы в Никарагуе. Да и, если будет нужно, при помощи известной интернационализации этого конфликта, с вовлечением в него, скажем, Алжира, той же Анголы или даже Кубы. Хорошая и, в общем, хорошее положение в т.л.у Европы и Африки, и все усилия и все

ПЕЧАТЬ

НЕОЖИДАННЫЙ ПОПУТЧИК

Рецензируя сборник стихов Ю. Кублановского "Оттиск" (Париж, 1985), П. Шмидт пишет в "Гранях" № 138: "Реминисценции Французской революции доминируют в "галльском" разделе сборника... Помимо естественного отвращения к революционным идеалам (кстати, не столь уж и частого у наших поэтов), культ побежденного монархического начала по внешности роднит ли-

рику Кублановского с аналогичным цветаевским".

В подтверждение, рецензент приводит следующие стихи:

Между тем как уже дребезжал
в недалеком Париже безбожник,
убеждая, что жить невтерпез,
и хвалил адвокату чертежник
механический рубящий нож.
Бедный мальчик, Людовик Людвиц,
как ужасно красно в зеркалах!

С точки зрения художественной — не блестяще (и что это за странное отчество: *Людвиц*?). Но политически, — что ж, вполне приемлемо.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В том же номере помещен превосходный исторический этюд Б. Парамонова "Канал Грибоедова", в котором много интересных и оригинальных мыслей о самодержавии и о декабристах, тем более любопытных, что он главным образом использует советских и марксистских историков, и в частности Покровского. Особо отметим совпадение некоторых его оценок с таковыми И. Л. Солоневича, о котором он, впрочем, не упоминает.

В. Р.

Зарубежная жизнь

КОНЧИНА ПРОФЕССОРА А. И. ОПУЛЬСКОГО

25 февраля 1986 года в городе Ванкувере, Канада, скоропостижно скончался известный ученый, профессор русской литературы Альберт Игнатьевич Опульский.

А. И. Опульский родился 9 мая 1921 года в Екатеринбурге в семье инженера по строительству железных дорог. Профессия отца предполагала частые переезды, и свое детство Алик провел в самых разных местах Сибири, Ташкенте, Бухаре, на Украине. Наконец, семья обосновалась в Москве. С ранних лет Алик проявлял литературные интересы; читал запоем, пробовал свои силы в сочинении стихов и прозы.

По окончании школы он поступил в ИФЛИ (Институт философии и литературы), один из лучших московских высших учебных заведений, куда принимали только исключительно одаренных юношей и девушек с ярко выраженной склонностью к гуманитарным наукам. В ИФЛИ преподавали лучшие профессора литературы, среди них знаменитый стиховед-формалист Борис Викторович Томашевский. Одна из курсовых работ Алика — о поэтическом мастерстве Некрасова — так восхитила маститого ученого, что он захотел поближе познакомиться с талантливым студентом. В результате, несмотря на разницу лет, между ними завязалась тесная дружба. Через Б. В. Томашевского А. Опульский, еще в свою бытность студентом, сблизился со многими выдающимися людьми тех лет — учеными (Д. Н. Ушаковым, В. В. Виноградовым, Н. К. Гудзиным, И. Н. Розановым, В. Б. Шкловским, С. М. Бонди, Б. М. Эйхенбаумом, Г. А. Шенгели, Л. И. Тимофеевым), поэтами (А. Е. Крученых, С. П. Бобровым, Б. Л. Пастернаком, А. А. Ахматовой), прозаиками и драматургами (М. А. Казаковым, М. М. Зощенко, Е. П. Шварцем).

В 1946 году, по окончании ИФЛИ, А. И. Опульский стал научным сотрудником, а впоследствии и ученым секретарем Музея Л. Н. Толстого Академии Наук СССР. Работая в музее, А. И. Опульский выпустил несколько книг, посвященных жизни и творчеству великого писателя: "Л. Н. Толстой в Крыму", "Л. Н. Толстой на Кавказе", "Л. Н. Толстой в Москве". Эти книги были настолько глубокими, автор их настолько досконально изучил материал, что после их выхода ни один из многочисленных толстоведов не решился писать на ту же тему, справедливо считая ее полностью исчерпанной.

Впоследствии профессор Опульский издал еще несколько книг и множество статей (в общей сложности более десятка книг и около двухсот статей) о классической русской литературе, активно участвовал в подготовке и редактировании юбилейного 80-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого и собрания сочинений Достоевского.

В 60-х годах он заинтересовался болгарской поэзией, выучил болгарский язык, выпустил несколько о поэтическом мастерстве лучших болгарских поэтов и две книги — "Современные поэты Болгарии" и "Поэзия Веселина Ханчева". Как и работа над русской литературой, работа в области болгаристики была очень успешной — вскоре профессор Опульский стал считаться крупнейшим знатоком болгарской поэзии в СССР, без него не проходил ни один симпозиум болгарской поэзии. Он часто бывал в Болгарии, а в начале 70-х годов после того, как дочь вышла замуж за болгарина, переехал туда на постоянное жительство.

Всю свою жизнь А. И. Опульский был непримиримым антикоммунистом и мечтал вырваться из коммунистического застенка на свободу. Наконец, в 1976 году ему удалось получить разрешение на туристическую поездку из Болгарии в Австрию, где он попросил политическое убежище. Живя в течение нескольких месяцев в Вене, профессор Опульский читал лекции в знаменитом Венском университете.

В 1977 году А. И. Опульский эмигрировал в Канаду. Вначале он обосновался в Монреале, где его репутация как одного из крупнейших специалистов по классической русской литературе открыла ему профессорские кафедры в двух главных университетах: Мак Гилле и Монреальском университете. А. И. Опульский был не только широко образованным ученым с неисчерпаемым запасом знаний в самых разных областях культуры, он был исключительно милым, добрым и обаятельным человеком. Он был не только кумиром студентов, на его увлекательные и глубокие лекции приходили и посторонние люди: другие профессора, служащие с радио и телевидения, просто русофилы, желающие послушать интеллигентный и чистый русский язык.

К сожалению, спустя несколько лет преподавательскую работу пришлось оставить: ухудшение глаз сделало невозможным читать и писать самостоятельно. Профессор Опульский с женой переехали в Ванкувер, где жила дочь с семьей. Но даже плохое зрение не изолировало его от литературной жизни. С помощью жены он регулярно читал газеты и журналы, вел громадную переписку, часто писал статьи в русские периодические издания, — в том числе и в "Нашу Страну" — работал над новыми книгами. Одну из них — "Вокруг имени Льва Толстого" — удалось издать. В ней он очень живо и увлекательно рассказывает о своих встречах с интереснейшими людьми — страшим сыном Толстого Сергеем Львовичем, дочерью Александрой Львовной, внуками и внучками писателя Сергеем Сергеевичем, Софией Андреевной, Анной Ильиничной, с секретарями

Толстого — Н. Н. Гусевым и В. Ф. Булгаковым и со многими другими связанными с писателем людьми.

Последняя книга профессора Опульского "Жития святых в произведениях русских писателей" была самой дорогой его сердцу. Он обдумывал ее долгие годы, начал собирать к ней материал еще живя в СССР, но выпустить там книгу на такую тему было немислимо. Поэтому он с такой радостью предвкушал ее выход в свет. Последние гранки уже были проверены, книга должна была вот-вот появиться в печати, но дожить до этой долгожданной минуты не пришлось. Последние месяцы его начало беспокоить сердце, и врачи настояли на необходимости исследования, которое и стало причиной его скоропостижной смерти. Альберт Игнатьевич Опульский скончался в ванкуверском госпитале святого Поля. Его смерть повергла в неутешное горе жену и дочь с семьей.

Вечная ему память!

Д. О

ХРАМ-ПАМЯТНИК ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Возглавляемый Г. М. Моисеевым церковно-строительный комитет для постройки Храма-Памятника Тысячелетия Крещения Руси и Старческого Дома в городе Оттаве (Канада) при церковном комитете Свято-Покровского прихода сообщил, что в марте с. г. настоятель прихода о. Димитрий Север подписал купчую крепость на необходимый для этого мероприятия участок земли.

Одновременно, с приготовлением документов для развития строительной работы были сделаны эскизы Храма-Памятника, получившие благословение первоиерарха Русской Зарубежной Церкви Митрополита Виталия и были одобрены архимандритом Киприяном. По этим эскизам был подготовлен макет храма, воспроизводимый ниже.

Г. М. Моисеев и Н. Т. Тимченко обратились ко всем российским эмигрантам с воззванием жертвовать на постройку храма, как памятника русскому православию не только в Канаде, но и во всем Зарубежье.

Одновременно, усилиями о. Димитрия и членов церковно-строительного комитета, было получено одобрение правительства провинции Онтарио на постройку 60 квартир для пожилых русских. В Канаде нигде еще нет русского старческого дома. Одобрение правительства Онтарио обозначает, что стоимость постройки будет оплачена правительственным финансовым займом, который администрация старческого дома будет затем погашать по очень низким процентам.

Словами Г. М. Моисеева: "мы не строим храм только для того, чтобы в нем молиться; мы строим его, чтобы наши дети могли видеть своими глазами всю красоту русского православия; чтобы памятник сей был воплощением нашего Тысячелетия; чтобы и иноверцы увидели лепоту русской духовной культуры".

БИБЛИОГРАФИЯ

Петр Орешкин, "Вавилонский феномен", Рим, 1984.

До "Вавилонской катастрофы" в мире существовал единый язык (праязык), на котором говорили все народы. Он сохранился только у славян до наших дней. Славяне и сегодня говорят на языке строителей Вавилонской башни. Об этом рассказано в книге Петра Орешкина.

В результате кропотливых, многолетних исследований, оперируя большим количеством фактического материала, автор пытается показать на рисунках, неоспоримость своих выводов, которые совершенно по новому раскрывают историю славян и заставляют переосмыслить всю на-

шу древнюю историю.

Еще не поздно поднять славянский язык, славянскую культуру на ту высоту, которой они достойны. Автору впервые удалось дешифровать древнейшие письменные документы — этрусские, греческие, индийские, египетские и фестский диск. Он считает, что все они написаны славянски.

Если обратиться к новейшим современным справочникам (например, к Большой советской энциклопедии) и другим, то там сообщается, что этрусская письменность не расшифрована; тексты, на печатях, из Харатты и Мохенджо-Даро (Индия) — не прочитаны; знаки на фестском диске не поняты и т. д.

Вот именно эти белые пятна исследовал автор.

П. Орешкин полностью отрицает все дешифровки Шомпольона, до

"Вавилонской катастрофы", и на основании глубокого анализа, показав ошибочность его исследований, приводит новый, самостоятельный анализ древних текстов.

Вот, что пишет П. Орешкин: "Давая заглавие своей работы, я имел ввиду библейское сказание о Творце, перепутавшем во гневе язык строителей Вавилонской башни. В какой-то момент, чудовищной и удивительной по своему характеру катастрофы, был разбит и раздроблен на части единый язык, который сохранился только у славян. Мне удалось прочитать древнейшие документы. Написаны они посредством различных алфавитных систем, но на одном языке и здесь лежит ключ к их дешифровке. Пытаться читать доавилонские надписи, пользуясь грамматическими структурой языков "пост-вавилонской эры", это подго-

нять английский ключ к старинному замку, тянуть единую цепь языкового наследия там, где ее звенья разорваны. Бессмысленно!

Все языки, на которых говорит человечество, кроме славянского языка, действительны лишь до определенного момента, но они совершенно непригодны для прочтения древних текстов".

Любой человек, владеющий русским, или одним из славянских языков, сможет выполнить те же дешифровки, что проделал и автор, так как по каждому разделу в книге имеются и азбука и алфавит.

Книгу можно заказать по адресу: Т. ORESHKINA Journal Square Station Box 16093 JERSEY CITY NJ 07306 USA. Стоимость книги с пересылкой 22 доллара.

Глеб Власов

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - \$ 0,25. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO	Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B)	Interes general. Conces.No. 3980